

Александра Чудова

Вредим
с умом.
Учимся
с удовольствием.

АКАДЕМИЯ
ДЛЯ ЗЛОДЕЕВ

ТЕНЕВАЯ
КОНСТРУКЦИЯ

ИСКУССТВО
ДРАМАТУРГИИ

ЗЕЛЕНЬ И ЯДЫ
ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

Александра Чудова

Академия для злодеев

<https://litres.ru/73764467>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лена Соболева, студентка философского факультета, проваливается в мир, где главные предметы — «Основы коварства» и «Массовые иллюзии». Профессор, отправивший её в портал, называет это «экзаменом». Здесь, в Академии Тёмных Искусств, готовят профессиональных злодеев, а главное правило гласит: «Не привязывайся». У Лены нет магии, зато есть редкий дар — Тлен, способность обращать любые чары в труху. Её считают всего лишь инструментом для древнего ритуала, которого ждали триста лет. Но девушка отказывается быть пешкой в чужой игре. Чтобы выжить и вернуть право выбора, ей придётся собрать союзников из числа «задвинутых» студентов, разгадать тайну ректора и столкнуться с человеком, который наблюдал за ней с самого детства.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	39
Глава 4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александра Чудова

Академия для злодеев

Глава 1

Если бы мне сказали ещё утром, что через пару часов я провалюсь сквозь пространство в мир, где главные предметы — «Основы коварства» и «Массовые иллюзии для устранения героев», я бы посоветовала этому человеку меньше времени проводить за компьютерными играми.

Но, как известно, утро вечера мудренее, а экзамены — коварнее всех злодеев вместе взятых.

Всё началось с того, что я, Лена Соболева, студентка третьего курса философского факультета МГУ, честно пыталась сдать экзамен.

Предмет назывался «Теория морального выбора в экзистенциальной перспективе». Профессор Верещагин был убеждён, что его лекции спасут человечество от нравственного падения. Студенты были убеждены, что профессор давно потерял связь с реальностью и теперь обитает в собственном философском измерении.

Я относилась к третьей категории: мне просто нужна была зачётка.

Июльское солнце пекло так, что даже мухи падали замерт-

во, не долетев до подоконника. Аудитория 405, где проходил экзамен, была устроена по принципу «чем хуже, тем лучше»: сквозняки, скрипучие парты и стул преподавателя на возвышении, чтобы профессор мог сверху взирать на страдающих студентов.

Я сидела на третьем ряду, лихорадочно перебирая в голове конспекты. Проблема была в том, что конспекты состояли в основном из рисунков на полях. Человек с мечом. Котик в короне. Надпись «Спасите меня», обведённая в сердечко. А ещё — меню столовой на следующую неделю, потому что это было единственное, что имело практическую ценность.

— Соболева, — голос профессора разнёсся по аудитории, и тишина стала такой плотной, что её можно было резать канцелярским ножом.

Я медленно поднялась из-за парты, чувствуя, как по спине стекает капля пота. Сосед слева, парень по фамилии Попов, который, как и я, готовился методом «авось пронесёт», сочувственно вздохнул. Соседка справа, отличница Таня Кузнецова, наоборот, смотрела с предвкушением — она всегда так смотрела, когда кто-то шёл к ответу, чтобы потом блеснуть на фоне чужого провала.

— Ваш вопрос, — профессор заглянул в список, — как звучит? Ах да. Опишите природу морального выбора в ситуации, когда оба варианта ведут к необратимым последствиям, но один из них противоречит вашим внутренним ценностям, а второй — общественным нормам. У вас есть пять

минут.

Я открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

В голове — тишина. Такая глубокая и величественная, что, казалось, там эхом гуляли древние философы, но говорить за меня отказывались. Даже Сократ, который, по идее, должен был поддержать коллегу по несчастью, демонстративно молчал.

— Ну же, Соболева, — профессор постучал пальцем по столу. Стук получился зловещим, словно он забивал гвоздь в крышку моего гроба. — Мы ждём.

Я глубоко вздохнула. Внутри всё сжалось. Экзамен я не сдам. Пересдача, нервы, осенний семестр, родители, которые спросят: «Леночка, а почему ты ещё не на четвёртом?» И придётся объяснять, что всё дело в моральном выборе, который я сделать не смогла.

— Моральный выбор, — начала я, понимая, что надо что-то говорить, пока меня не съели заживо, — это... это когда ты стоишь на перекрёстке. Буквально.

— Буквально? — переспросил профессор, и в его голосе появилась лёгкая заинтересованность. Обычно он так реагировал на особенно изощрённые заблуждения.

— Да, — меня понесло. Понесло туда, куда обычно заносит, когда не знаешь правильного ответа, но очень не хочется получать двойку. — Представьте: вы идёте по улице и видите два пути. Один короткий, но там злая собака. Второй длинный, но вы опоздаете на работу. И вы стоите и думаете:

что важнее — ваши нервы или карьера?

— Это пример морального выбора? — голос профессора стал подозрительно спокойным.

— А почему нет? — я уже не могла остановиться. — Мораль — это про нас, про обычных людей. Не про абстрактные категории, а про то, как мы решаем проблемы в реальной жизни. Вот вы, например, если бы увидели старушку, переходящую дорогу в неположенном месте, вы бы её окликнули или сделали вид, что не заметили? Это же моральный выбор!

В аудитории кто-то хихикнул. Профессор медленно снял очки и протёр их специальной салфеточкой, которую всегда носил в нагрудном кармане. Этот жест означал: сейчас будет больно.

— Вы считаете, Соболева, что философия — это про старушек и собак?

— Я считаю, — я набрала воздуха в грудь, потому что обратной дороги уже не было, — что философия — это про жизнь. А жизнь — это не идеальные модели, придуманные в тиши кабинетов. Это хаос, где иногда нет правильного ответа, есть только выбор, за который вы готовы нести ответственность. И если вы выбираете длинную дорогу, чтобы не встретиться с собакой, это не трусость. Это забота о своих нервах, которые тоже важны. А если вы окликаете старушку, это не героизм, это... ну, это просто человечность.

Тишина стала звенящей. Профессор Верещагин не двигался. Он смотрел на меня так, будто впервые увидел — не

как студентку, которая вечно рисует на полях, а как... не знаю, как уравнение, которое он не мог решить много лет, а теперь вдруг заметил очевидное решение.

Он медленно снял очки. Я ожидала, что он начнёт их протирать — его коронный жест перед тем, как устроить разнос. Но вместо этого он просто держал их в руке, и стёкла слабо блеснули, отражая свет из окна. На миг мне показалось, что в этом отражении мелькнуло что-то странное — не аудитория, а какие-то шпили, чёрные башни, две луны... Но я моргнула, и видение исчезло.

— Значит, вы верите, что теория морального выбора, — заговорил он, и голос его стал тише, глуше, каким-то... древним, что ли, — должна проверяться не в абстракциях, а в реальной жизни? В обстоятельствах, где от решения зависит нечто большее, чем оценка в зачётке?

— Ну... да, — осторожно ответила я, начиная подозревать подвох. — В этом и суть выбора. Выбирая одно, вы отказываетесь от другого. И потом живёте с этим.

— Прекрасно, — профессор улыбнулся. Улыбка была такой, что у меня похолодело в животе. — Тогда давайте проверим вашу теорию на практике.

— В каком смысле? — я сделала шаг назад и упёрлась в парту.

Профессор поднялся из-за кафедры. В его глазах зажегся странный свет — не человеческий, какой-то древний, словно он ждал этого момента. На указательном пальце правой руки

засветилось кольцо — массивное, с тёмным камнем, которое я раньше не замечала. Хотя... нет, замечала. Просто раньше оно казалось обычной побрякушкой, а теперь камень внутри словно проснулся. В его глубине пульсировало багровое пламя, и рисунок на оправе — какой-то древний, с рунами и символами, — засветился тем же зловещим светом. Он поднял руку, и камень в кольце вспыхнул ярче.

— Что вы делаете? — голос у меня пискнул.

— Проверяю вашу гипотезу, — спокойно ответил профессор. — Вот вам выбор, Соболева.

Он щёлкнул пальцами.

Пол под моими ногами исчез.

Не провалился, не разошёлся трещиной. Он просто перестал существовать. Вместо паркета и пыльного линолеума подо мной разверзлась светящаяся бездна. Багровые, фиолетовые и изумрудные сполохи переплетались в причудливый узор, который пульсировал в такт моему сердцу. Воздух стал тягучим, как кисель, и пахло от него озоном, горелой серой и ещё чем-то, для чего в русском языке нет названия. Сейчас я поняла: так пахнет магия.

— Это портал, — пояснил профессор, пока я хваталась за край парты с такой силой, что побелели костяшки. — Куда именно он вас выбросит, зависит от того, какой выбор вы сделаете.

— Какой выбор?! — заорала я, чувствуя, что меня затягивает в воронку. Ноги уже скрылись из виду.

— У вас есть два варианта, — голос профессора доносился издалека, приглушённый и искажённый. — Оба ведут к необратимым последствиям. Один противоречит вашим внутренним ценностям, второй — общественным нормам. Выбирайте!

— Это не выбор, это издевательство! — крикнула я.

— Жизнь, Соболева, — назидательно произнёс профессор, и его силуэт стал расплываться, — это и есть издевательство с элементами выбора. Летите!

И я полетела.

Вниз, в разноцветную бездну, которая пахла древностью и силой.

В голове пронеслась вся жизнь.

Ну, не вся, конечно, а самые яркие моменты: как я в детстве разбила мамину любимую вазу и свалила на кота (кот пережил этот позор и прожил ещё двенадцать лет, но смотрел с укором до самого конца), как на первом курсе перепутала аудитории и полтора часа слушала лекцию по нанотехнологиям, прежде чем поняла, что здесь пахнет не философией, а прикладной физикой, как вчера не выключила утюг и всю ночь переживала, не спалила ли общежитие.

«Не надо было спорить с преподавателем, — мелькнула мысль. — Это же первый закон выживания в вузе. Не спорить с тем, у кого в руках зачётка».

Вокруг мелькали цвета, которых не бывает в природе. Я видела оттенки, для которых в русском языке нет названий,

и чувствовала запахи, которые не могла описать. А потом наступила тьма. Или не тьма — просто перерыв, монтажная пауза в фильме под названием «Жизнь Лены». Я висела в пустоте, которая была тёплой и влажной, как летний вечер после дождя.

Когда сознание вернулось, первое, что я осознала, — это боль. Я лежала на чём-то твёрдом и холодном, больно ударившись локтем и коленом.

— Ой, — сказала я, потому что моя философия временно покинула меня вместе с сознанием.

— Ой? — повторил голос сверху. В нём слышалось не только удивление, но и какая-то профессиональная досада. — Это всё, что ты можешь сказать, попав в Академию Тёмных Искусств? Обычно студенты хотя бы кричат. Или пытаются напасть. Или падают в обморок с достоинством. Я уже подготовила речь для каждого варианта, между прочим. У меня даже были заготовлены фразы для героической атаки: «Ничья лапы не загребущие не устоят!» А ты — «ой». Ты сломала мне весь дебют.

Я открыла глаза.

Надо мной стояла девушка. Ну, как девушка... Существо женского пола с фиолетовыми волосами, собранными в высокий хвост, острыми ушами, торчащими из-под прядей, и глазами такого яркого изумрудного цвета, что они светились в полумраке. На ней была чёрная форма с серебряной окантовкой — нечто среднее между мантией, деловым костюмом

и военной формой. На груди красовался значок в виде черепа с горящими рубинами вместо глаз.

— Ты кто? — спросила я, пытаюсь сесть.

— Я здесь задаю вопросы, — отрезала фиолетоволосая. — Ты кто? Откуда? Почему у тебя нет магического фона? И почему ты воняешь человеческим миром?

— Я... человек, — призналась я. — Из Москвы. Студентка философского факультета.

Фиолетоволосая уставилась на меня с таким выражением, будто я сообщила, что являюсь послем Марса.

— Философ? — переспросила она. — В Академию Тёмных Искусств забросило философа?

— Я не знаю, куда меня забросило, — честно ответила я, наконец садясь. Голова закружилась, и перед глазами поплыли разноцветные круги. — Я вообще не планировала никуда забрасываться. Я хотела сдать экзамен и пойти домой пить чай с печеньками. У меня там «Юбилейное» лежало, целая пачка.

— Экзамен, — фиолетоволосая хмыкнула. — Значит, ты провалилась сквозь портал во время экзамена?

— Ну да. Профессор Верещагин взял и...

— Не знаю такого, — перебила она. — Меня зовут Моргана. Я староста потока. И у меня нет времени разбираться с тобой, потому что через пятнадцать минут начинаются «Основы коварства», а я не сдала домашнее задание. Поэтому вставай и пошли.

Она протянула мне руку.

Мы находились на площади, вымощенной тёмным камнем, который слабо светился изнутри — словно под ним текла лава, застывшая миллионы лет назад. Вокруг выселись здания: чёрные, с острыми шпильями, украшенные барельефами, изображающими сражения, драконов и почему-то единорогов, которые кого-то явно нехорошего.

Единороги выглядели не как милые существа из детских сказок, а как агрессивные хищники с острыми рогами, горящими глазами и оскаленными пастьями. На одном барельефе единорог побеждал рыцаря. На другом — пил чай с тёмным властелином. На третьем — летел над полем битвы, и воины внизу разбегались в ужасе.

«Здесь явно пересмотрели истории про пони», — подумала я.

Небо было тёмно-фиолетовым, и на нём висели две луны. Одна — привычного желтоватого цвета, вторая — ярко-розовая, словно кто-то пририсовал её акварелью. Звёзды здесь тоже были другими: они не просто мерцали, а двигались, выстраиваясь в причудливые узоры, которые менялись каждую секунду. И от них исходила едва уловимая вибрация — словно звёзды пели, но на частоте, которую улавливало не ухо, а всё тело целиком.

Вокруг сновали люди. Ну, или не совсем люди. У некоторых были крылья — огромные, перепончатые, как у летучих мышей. У некоторых — рога, закрученные в тугие спи-

рали. У некоторых — явно нечеловеческие глаза: вертикальные зрачки, светящиеся радужки, зелёное свечение изнутри.

Один парень прошёл мимо, разговаривая сам с собой, причём каждое его слово материализовывалось в воздухе в виде маленьких чёрных облачков, которые потом медленно растворялись, оставляя запах озона.

Все были одеты примерно одинаково — в чёрную форму, как у Морганы, но с разными нашивками. Многие несли книги — тяжёлые, в кожаных переплётах, с металлическими застёжками. Надписи на корешках я разглядеть не могла, но парочку прочитала издали: «Проклятия для начинающих», «Теория заговоров (практический курс)» и «Как выжить после неудачного ритуала. Методичка».

Надписи были сделаны на языке, которого я не знала, но почему-то понимала. Ещё одна странность этого места.

— Так, — Моргана остановилась и развернулась ко мне. — Правила простые. Ты — новенькая. Откуда ты пришла — мне всё равно. Главное, чтобы ты не мешала и не позорила мой поток. Я отведу тебя к ректору, он решит, что с тобой делать. Пока идём, молчи, не глазей по сторонам и не задавай вопросов. Всё поняла?

— А что за академия? — спросила я, потому что не задавать вопросы было выше моих сил.

Моргана закатила глаза.

— Академия Тёмных Искусств, — процедила она. — Лучшее учебное заведение в трёх мирах для тех, кто хочет стать

профессиональным злодеем. Мы готовим кадры для тёмных властелинов, коварных советников, мастеров интриг и прочих специалистов теневого профиля. Выпускники работают по всему континенту, а некоторые — и за его пределами. Довольна?

— Злодеев? — переспросила я. — Вы готовите злодеев?

— Профессиональных, — подчеркнула Моргана. — Это не шуточки, философ. Наши студенты проходят серьёзный отбор, учатся по двенадцать часов в день, а на выпускных экзаменах захватывают небольшие королевства в качестве курсовой работы. Это престижно.

— Но... зачем?

Моргана посмотрела на меня с жалостью. Так смотрят на котёнка, который пытается объяснить теорию относительности.

— Затем, что кому-то нужно поддерживать баланс, — сказала она тоном, которым объясняют очевидные вещи трёхлетним детям. — Если все будут героями, кто будет создавать проблемы? Это элементарная экономика спроса и предложения, философ. Герои нуждаются в злодеях. А злодеи — в качественном образовании. Без нас мир скатится в скуку и благодушие. А скука, между прочим, — самый страшный грех.

Она развернулась и пошла вперёд, даже не проверив, иду ли я следом.

Я пошла. Потому что других вариантов не было.

По пути я пыталась запоминать всё, что видела.

Академия была огромной. Помимо учебных корпусов, здесь были тренировочные площадки (на одной из них кто-то запускал в небо огненные шары, и они взрывались, рассыпаясь золотыми искрами), библиотека (размером с московский метрополитен, судя по фасаду) и даже кафе. Вывеска гласила: «У тёмной феи». Судя по запаху, там варили отличный кофе и пекли свежие булочки с корицей.

— Моргана, — позвала я, забыв о запрете на вопросы. — А что едят... ну, студенты?

— Ты вообще умеешь молчать? — огрызнулась она, но потом вздохнула. — В столовой. Три раза в день. Если успеешь. И если никто не отравит твою еду в рамках практического занятия по «Основам коварства».

— Отравят?

— Учебное, — отмахнулась Моргана. — Специальные зелья, вызывают лёгкое недомогание. Никто не умирал. Почти никто.

Я решила, что в столовую буду ходить с осторожностью.

Мы подошли к главному зданию — чёрному, с колоннами, украшенными горгульями. Горгульи были живыми: они поворачивали каменные головы вслед проходящим, иногда обменивались комментариями низкими, скрипучими головами.

— О, свежатинка, — проскрежетала одна, когда я проходила мимо. Её глаза вспыхнули красным. — Давно у нас не

было попаданцев.

— С философским складом ума, — подхватила вторая, облизнувшись каменным языком. — Долго не протянет.

— А я ставлю на месяц, — сказала третья, почёсывая каменную лапу о колонну.

— Месяц? — усмехнулась первая. — Неделя, максимум. Посмотри на неё — она даже испугаться нормально не может. Просто глазеет.

Я ускорила шаг, стараясь не слушать.

Внутри главного корпуса было прохладно и сумрачно. Полы из тёмного мрамора, стены украшены гобеленами с тёмными сценами: тёмный властелин принимает корону из рук скелета, сражается с героем в сияющих доспехах, а вот — неожиданно — пьёт чай с единорогом, и оба выглядят совершенно довольными.

Моргана уверенно вела меня по бесконечным коридорам, сворачивая то направо, то налево. Я уже сбилась со счёта, сколько раз мы поворачивали. Здесь, казалось, можно было заблудиться навсегда.

Наконец мы остановились перед дверью, которая была выше и массивнее всех остальных. Дверь из чёрного дерева, инкрустированного серебром, без ручки — только огромный металлический круг с выгравированными рунами, которые слабо светились.

На двери висела табличка:

«РЕКТОР АКАДЕМИИ»

Малахар Грозный

Если вы здесь, значит, вы либо гений, либо идиот. В любом случае, войдите и докажите свою полезность.»

— Моргана, — раздался голос из-за двери, низкий, раскатистый, как камнепад. — Я же чувствую твой запах. Заходи.

Моргана толкнула дверь — та открылась с лёгкостью, неожиданной для её размеров — и шагнула внутрь, жестом приказав мне следовать за ней.

Мы вошли.

Кабинет ректора оказался... неожиданным. Вместо трона из черепов и чёрных знамён я увидела уютную комнату с камином, в котором весело потрескивал огонь, мягкими креслами, книжными шкапами, забитыми старинными томами, и огромным столом, заваленным бумагами, свитками и чашками с недопитым чаем.

За столом сидел мужчина. Лет пятидесяти на вид, с проседью в тёмных волосах, аккуратной бородой и усталыми, но внимательными глазами. На нём был тёмно-синий халат с вышитыми золотыми звёздами, а на ногах — домашние тапочки в виде драконов. Драконы были зелёными, с красными глазками-бусинками, и выглядели... мило.

— Моргана, — кивнул он, не поднимая головы от бумаг.

— Я же просил не беспокоить меня во время...

— Попаданка, — перебила Моргана. — Свалилась с порталом во время экзамена по философии. Человек. Магического фона нет.

Ректор поднял голову.

Его взгляд упёрся в меня, и я физически почувствовала, как меня сканируют. словно кто-то заглянул внутрь, пересчитал все косточки, проверил, что в голове. Магия ректора была плотной, вязкой, как смола, но не враждебной — скорее изучающей.

— Философ, говоришь? — он откинулся в кресле, и драконы на его тапочках зашевелились. — Обычно к нам падают боевые маги, некроманты или хотя бы авантюристы. А тут — философ.

— Я не падала, — запротестовала я. — Меня сбросили. Профессор Верещагин...

— Имя незнакомо, — ректор покачал головой. — Но портал, судя по остаточной магии, был открыт намеренно. Вопрос — зачем? — он посмотрел на меня с любопытством. — Что ты такого сделала на экзамене, чтобы заслужить ссылку в Академию Тёмных Искусств?

— Я... ответила на вопрос, — растерянно сказала я.

— И что это был за ответ?

— Что моральный выбор — это про жизнь, а не про абстракции. И что иногда важнее сохранить нервы, чем соответствовать ожиданиям.

Ректор задумчиво постучал пальцем по столу. Пальцы у него были длинные, с аккуратными ногтями, и на одном блестяло кольцо с тёмным камнем, похожее на то, что было у Верещагина, но старше, с потускневшей от времени оправой.

— Хм, — произнёс он. — А ведь в этом есть зерно тёмной мудрости. Игнорирование общественных норм в пользу личного комфорта? Пренебрежение ожиданиями ради сохранения себя? Это почти злодейство.

— Я не злодейка, — поспешно сказала я. — Я вообще добрая. Я котиков люблю. И печеньки. И смотреть сериалы по вечерам.

— Котики, — ректор усмехнулся. — Посмотрим, как долго твоя доброта продержится здесь. Моргана, свободна.

Фиолетоволосая староста кивнула и вышла, бросив на меня напоследок взгляд, который ясно говорил: «Ты тут надолго не удержишься, философ».

Ректор поднялся и подошёл к окну. За ним открывался вид на всю академию — чёрные шпили, горящие огни, мечущиеся фигуры студентов. Две луны висели над горизонтом, и их свет падал на здания, превращая их в декорации к готическому роману.

— Значит так, Лена, — сказал он, и я вздрогнула, потому что не представлялась ему. — У тебя есть два варианта.

— Варианта? — эхом отозвалась я, чувствуя, как внутри всё холодеет. Мне уже не нравились варианты. После сегодняшнего экзамена я поняла, что варианты — это зло. Чи-

стое, неразбавленное зло.

— Первый, — ректор поднял палец. — Мы находим способ отправить тебя обратно. Это долго, сложно и не гарантирует результата. Порталы между мирами — штука капризная, а твой мир находится очень далеко. Ты можешь ждать год, два, три. А можешь и не дожидаться.

— А второй? — спросила я, уже догадываясь.

— Второй, — ректор повернулся и посмотрел мне прямо в глаза, — ты поступаешь в Академию Тёмных Искусств. Учишься, осваиваешь программу, становишься квалифицированным специалистом. А заодно ждём, пока магический совет решит, что с тобой делать. Или пока ты сама не найдёшь способ вернуться.

— Но я не умею быть злодейкой, — растерянно сказала я. — Я даже муху не обижу.

— Научись, — ректор пожал плечами. — Или не научишься — и тогда тебя отправят на перевоспитание к светлым.

— А что такое перевоспитание? — спросила я, не понимая, почему это звучит как угроза.

Ректор поморщился, словно съел лимон без сахара.

— Худшее, что может случиться с выпускником нашей академии, — сказал он мрачно. — Отправиться к светлым — значит признать себя неудачником. Там тебя будут учить быть... добрым. Честным. Справедливым. — Он произнёс эти слова так, будто речь шла о пытках. — Позор на всю

жизнь. Ни одна уважающая себя тёмная сила не возьмёт такого специалиста на работу. Ты будешь опозорена, изгнана, забыта.

Я сглотнула. В голове лихорадочно крутились мысли. С одной стороны — ждать неизвестно сколько в карантинном крыле, рискуя сойти с ума от одиночества. С другой — стать злодейкой, но хотя бы быть среди людей (и нелюдей), иметь шанс выжить и найти дорогу домой. Я вспомнила слова профессора Верещагина о моральном выборе. И выбрала меньшее из зол.

— Давайте договор, — сказала я, протягивая руку.

Ректор улыбнулся. Улыбка у него была... довольная. Слишком довольная.

— Умное решение, — он протянул мне пергамент. — Читай, подписывай. И добро пожаловать в Академию Тёмных Искусств, Лена. Надеюсь, ты не пожалеешь.

Я взяла пергамент. Пальцы дрожали.

Сверху было написано красивым каллиграфическим почерком:

«ДОГОВОР О ЗАЧИСЛЕНИИ

Я, нижеподписавшаяся, добровольно вступаю в ряды студентов Академии Тёмных Искусств и обязуюсь: изучать тёмные искусства, нести в мир зло (в рамках учебной программы), не поддаваться светлым влияниям, соблюдать устав академии, а также не разглашать тайны академии под страхом

превращения в жабу.»

Я подняла глаза на ректора.

— В жабу?

— Формальность, — отмахнулся он, но в его глазах мелькнуло что-то, что заставило меня усомниться. — Никто ещё не превращался. Почти никто. Один был, но он сам виноват — слишком много вопросов задавал.

Я вздохнула, взяла перо (чёрное и тёплое на ощупь) и подписалась.

Глава 2

Подписать договор — это было только начало.

Как выяснилось через три секунды после того, как перо коснулось пергамента, в Академии Тёмных Искусств документы имели привычку... оживать. Чёрные буквы на моих глазах вспыхнули багровым светом, свернулись в тугую спираль и вплавились прямо в пергамент, оставив после себя рельефные, тёплые на ощупь письмена. А потом договор сложился сам собой, перелетел через стол и приземлился в папку с надписью «Личные дела. С особой жестокостью не уничтожать».

Магия, использованная в договоре, была древней — я чувствовала её как лёгкое покалывание в кончиках пальцев, хотя раньше никогда не ощущала ничего подобного. Словно внутри меня открылось новое окно восприятия.

— Поздравляю, — ректор Малахар Грозный откинулся в кресле и сложил руки на груди. Драконы на его тапочках согласно кивнули. — Теперь ты официально студентка Академии Тёмных Искусств. Временно, условно, с испытательным сроком и без права на магическую стипендию. Но всё же.

— Испытательный срок? — переспросила я, чувствуя, что договор был похож на айсберг — я увидела только макушку.

— Конечно. Мы не берём кого попало. Ты должна доказать, что достойна называться злодейкой. Или хотя бы... —

он задумался, подбирая слово, — злодейкой-стажёркой.

— А если не докажу?

Ректор вздохнул с видом человека, который слишком часто объясняет очевидное.

— Тогда перевоспитание, Лена. Светлые ждут. У них там, говорят, очень мило. Лужайки, бабочки, утренние медитации о добре. Кошмар, в общем.

Я передёрнула плечами. Перспектива стать посмешищем среди злодеев и медитировать на лужайках с бабочками не вдохновляла.

— Что я должна делать?

— Для начала — заселиться, получить форму и расписание. Моргана! — крикнул ректор, и дверь открылась так быстро, словно староста стояла под дверью и подслушивала. — Проводишь новенькую в общежитие. И объясни ей... — он бросил на меня быстрый взгляд, — как здесь всё устроено.

Моргана скривилась так, будто ей предложили полить цветочки в оранжерее светлых.

— Есть, ректор.

— И, Моргана, — ректор поднял палец, и его голос стал чуть строже, — без твоих обычных методов «введения в курс дела». Я помню, что ты сделала с прошлым новеньким.

— Он сам виноват, — огрызнулась Моргана. — Нечего было называть меня «фиолетовой занозой».

— Он провёл три дня в лазарете с осиным вкусом магического происхождения.

— Предупредительным, — поправила Моргана. — В следующий раз буду жалить в более чувствительные места.

Ректор посмотрел на неё с усталостью, которая накапливалась годами.

— Веди уже.

Мы вышли из кабинета, и Моргана, не говоря ни слова, зашагала по коридору так быстро, что мне пришлось почти бежать.

— Слушай, — начала я, пытаюсь нагнать её, — а что за испытательный срок? Что мне нужно сделать?

— Выжить, — лаконично ответила Моргана.

— Это всё?

— Для начала — да. — Она замедлилась ровно настолько, чтобы я могла идти рядом, но не настолько, чтобы это выглядело как проявление доброты. — В нашей академии каждый год отчисляют около трети студентов. Кого-то за неуспеваемость, кого-то за... — она сделала паузу, — несовместимость с жизнью.

— В смысле?

— В прямом. В прошлом году один первокурсник решил, что он сильнее ректора, и вызвал его на дуэль. Ректор отказался — нечего, говорит, портить статистику. Но парень был настойчив. Очень настойчив. В общем, теперь он работает сторожем на кладбище. Говорят, ему там нравится. Компания не жалуется.

Я сглотнула.

— А что насчёт... ну, обычных студентов? Тех, кто просто учится?

— Таких нет, — Моргана усмехнулась, и её острые клыки блеснули в свете факелов. — Здесь никто не учится просто так. У всех есть цель. Кто-то хочет стать тёмным властелином, кто-то — главным интриганом при дворе, кто-то — просто сжечь пару деревень и уйти на заслуженный отдых. Амбиции, философ. У тебя они есть?

— Я хочу сдать экзамен и вернуться домой, — честно ответила я.

Моргана остановилась и посмотрела на меня с выражением, в котором смешивались жалость, презрение и отдалённое подобие уважения.

— Тогда ты здесь долго не протянешь, — сказала она спокойно, без издёвки. — Но это не моя проблема. Идём, покажу твою комнату.

Мы вышли из главного корпуса, и я снова оказалась под фиолетовым небом с двумя лунами. Ветер слегка колыхал чёрные шпили, и где-то вдалеке раздавался странный звук — то ли вой, то ли песня.

— Что это? — спросила я, прислушиваясь.

— Студенты-некроманты практикуются, — равнодушно ответила Моргана. — Не обращай внимания. Если кто-то из мертвецов подойдёт к тебе и спросит, где здесь столовая, — не отвечай. Это проверка.

— Проверка чего?

— Твоей способности не вступать в диалог с теми, кто должен лежать в могиле. Базовый курс выживания. Неудачников потом откапывают по всему кампусу.

Я решила, что буду держаться подальше от некромантов.

Общежитие оказалось мрачным зданием в готическом стиле, с башнями, шпилями и витражами, на которых были изображены сцены из жизни тёмных властелинов. На одном витраже тёмный властелин получал диплом. На другом — сражался с героем. На третьем — просто сидел в кресле с книгой и выглядел при этом удивительно обыденно.

— Женское общежитие, — Моргана толкнула тяжёлую дубовую дверь. — Крыло «А». Третий этаж, комната 317. Твоя соседка — Марго. Не беси её, и она не выпьет всю твою кровь в первый же день.

— Выпьет кровь?!

— Марго — вампирша, — пояснила Моргана тоном, которым говорят «а ещё у неё рыжие волосы». — Не переживай, она пьёт только синтезированную. Но если ты ей сильно надоешь, может перейти на натуральную. Так что веди себя прилично.

— А что значит «прилично» в мире злодеев?

— Не мешай другим быть злодеями, — Моргана пожала плечами. — Всё просто. Ну и не попадайся никому на глаза в коридоре после отбоя. После отбоя начинается ночная жизнь.

— Какая ещё ночная жизнь?

— Тайные сходки, запрещённые ритуалы, подпольные дуэли, — Моргана перечисляла так, будто говорила о кружке по интересам. — Ну и пара привидений, которые любят пугать первокурсников. В общем, сиди в комнате и не высывайся.

Мы поднялись на третий этаж по винтовой лестнице, которая скрипела под ногами так, будто ей было несколько сотен лет. Коридоры были узкими, с низкими сводчатыми потолками, и пахло здесь странно: смесью старой бумаги, ладана и чего-то сладкого, почти приторного. Позже я узнала, что это «аромат вампира» — особый запах, который остаётся после использования магии крови.

— Комната 317, — Моргана кивнула на дверь. — Марго обычно не кусается, если её не трогать. Форму получишь завтра утром в административном корпусе. Расписание — там же. Всё, вопросы?

— Тысяча, — честно ответила я.

— Не задавай их мне, — отрезала Моргана. — Я староста, а не нянька. Выживешь — увидимся на занятиях. Не выживешь — тоже увидимся, но уже на факультативе по некромантии.

Она развернулась и ушла, оставив меня одну перед дверью.

Я глубоко вздохнула и постучала.

— Войдите, — раздалось из-за двери. Голос был низким,

бархатистым, с лёгкой хрипотцой.

Я толкнула дверь.

Комната оказалась... неожиданно уютной. Две кровати с балдахинами (чёрными, разумеется), два письменных стола, два шкафа и огромное окно с видом на внутренний двор. На одной половине комнаты царил идеальный порядок: книги стояли ровно по корешкам, на столе лежали аккуратно заложенные перья, на стене висело зеркало в изящной серебряной раме.

На второй половине... ураган, смешанный с землетрясением и небольшим пожаром. Книги валялись кучей, одежда свисала со стула, на столе стояло нечто, что, вероятно, было чашкой несколько недель назад, а в углу лежал гроб. Чёрный, лакированный, с бархатной обивкой внутри.

Из этого гроба сейчас поднималась девушка.

Она была бледной, с чёрными волосами, собранными в небрежный пучок, и ярко-красными губами. На ней была длинная ночная рубашка, модная где-то в восемнадцатом веке. Вампирскую природу выдавали лёгкое свечение кожи в полумраке и почти незаметное мерцание в районе сердца — там, где у обычных людей бьётся пульс, у вампиров пульсировала накопленная магия.

— Ты новенькая? — спросила она, щурясь. Её глаза были тёмно-бордовыми, почти чёрными.

— Да, — кивнула я, стараясь не смотреть на гроб. — Лена.

— Марго, — она выбралась из гроба с грацией, которой

позавидовала бы балерина, и потянулась. — Моргана сказала, что ты попаданка. И философ.

— Это правда.

— Странно, — Марго подошла ко мне и принялась. — Пахнешь добром. И печеньками.

— У меня с собой была пачка, но она, наверное, осталась в моём мире.

— Жаль, — Марго вздохнула. — Я обожаю печенье. Особенно с шоколадной крошкой. Кровь, знаешь, это классика, но иногда хочется чего-то... человеческого.

Она усмехнулась собственной шутке.

Марго оказалась не такой страшной, как я ожидала.

Пока я осматривала комнату (вещей у меня не было — только та одежда, в которой я пришла), она рассказывала мне об академии. Оказалось, она учится здесь уже второй год и знает всё обо всех.

— Главное правило, — говорила она, сидя на краю своей кровати (гроб, по её словам, использовался только для сна, потому что «в кроватях спят некроманты, а у вампиров должен быть стиль»), — не верь никому. Вообще никому. Даже мне.

— Даже тебе?

— Особенно мне, — Марго улыбнулась, и её клыки блеснули. — Я же вампир. Мы все немного коварные. Это у нас в крови. В прямом смысле.

— Но ты же сказала, что пьёшь синтезированную.

— Пью. Но коварство не в крови, Лена. Коварство — это образ жизни. — Она взяла с тумбочки книгу с мрачным названием «Искусство тёмной интриги» и принялась листать. — В этой академии каждый что-то замышляет. Кто-то хочет стать главным злодеем, кто-то — уничтожить соперника, кто-то — просто пережить семестр.

— А ты?

Марго задумалась.

— Я хочу открыть своё дело. Кофейню для ночных существ. Представляешь: тёмный интерьер, приглушённый свет, кровь навынос и свежая выпечка к утру. Название уже придумала — «Клык и кофе». Звучит?

— Очень, — честно сказала я. — А зачем тебе для этого академия?

— Затем, что для открытия бизнеса в нашем мире нужна лицензия на тёмную деятельность. А её выдают только выпускникам профильных заведений. Глупо, правда? Но правила есть правила. — Она захлопнула книгу. — Ладно, давай рассказывай. Как ты сюда попала? Моргана сказала, что тебя сбросил какой-то профессор?

— Верещагин, — кивнула я. — Я ответила на экзамене, что моральный выбор — это... ну, в общем, что иногда важнее сохранить нервы, чем соответствовать ожиданиям.

Марго смотрела на меня с всё возрастающим интересом.

— И он тебя за это — в портал?

— Ну да.

— А он случаем не был... ну, не знаю... магом? Или не был связан с нашим миром?

— Он был профессором философии, — я пожала плечами. — Я думала, что он просто странный старик.

— В нашем мире странные старики часто оказываются самыми опасными, — Марго усмехнулась. — Ладно, не парься. Поживёшь здесь, может, даже понравится. Тем более, — она бросила на меня быстрый взгляд, — я слышала, что тебе назначили куратора.

— Куратора?

— Да. У всех новеньких есть куратор из старшекурсников. Он помогает освоиться, вводит в курс дела, защищает от неприятностей. Обычно это какой-нибудь боевой маг или некромант. А у тебя, говорят, кто-то особенный.

— Кто?

Марго загадочно улыбнулась.

— Увидишь завтра. Спойлер: он мрачный, опасный и у него репутация хуже, чем у Морганы.

— Это утешает.

— Должно, — Марго подмигнула. — В нашей академии плохая репутация — это комплимент.

Ночь в академии оказалась... шумной.

Я лежала в кровати, пытаюсь уснуть, но за стеной кто-то громко спорил о том, чей заговор лучше. Сверху доносились

шаги и странные звуки, похожие на заклинания. А из коридора — приглушённый смех и звон стекла.

— Не обращай внимания, — сонно пробормотала Марго из своего гроба. — Это второкурсники отмечают удачное проклятие. Завтра у них выходной, так что они отрываются.

— А что за проклятие?

— Да так, мелочь. Наслали прыщи на весь курс светлых магов. Говорят, теперь они выглядят как подростки в пубертатный период.

Я невольно улыбнулась.

— А здесь часто так... весело?

— Постоянно, — Марго зевнула, и я услышала, как щёлкнули её клыки. — Это же академия злодеев. Если нет хаоса, значит, день прошёл зря. Спокойной ночи, философ.

— Спокойной ночи.

Я закрыла глаза. Перед этим я смотрела в окно на две луны и думала о том, что в Москве сейчас, наверное, день. Кто-то сдаёт экзамены, кто-то пьёт кофе, кто-то просто живёт обычной жизнью. А я лежу в комнате с вампиршей, слушаю, как некроманты поют на крыше, и пытаюсь понять, как я вообще здесь оказалась.

«Ты сама выбрала», — сказал внутренний голос. «Ты подписала договор».

— Я выбрала меньшее из зол, — прошептала я в подушку.

— Не оправдывайся, — донёсся из гроба голос Марго. — Выбор — это всегда сделка с совестью. Главное, чтобы ты

была готова к последствиям.

Я хотела спросить, откуда вампирша знает философию, но передумала. В конце концов, в этом мире, похоже, философом был каждый.

Утро наступило внезапно и безжалостно.

Солнца здесь не было — вместо него небо заливал бледно-лиловый свет, который проникал сквозь шторы и заставлял щуриться. Магия этого света была странной: она не грела, как солнечные лучи, а скорее наполняла пространство тягучей, вязкой энергией.

— Подъём, — голос Марго звучал бодро, что было странно для вампира. — У тебя сегодня первый день. Форма, расписание, куратор. Не проспай.

Я выбралась из кровати, чувствуя, что спала на камнях, а не на матрасе. Марго, заметив моё выражение лица, усмехнулась.

— Кровати здесь магические. Они подстраиваются под твою ауру. Если аура слабая — спать будешь плохо. Но ничего, привыкнешь.

— А как сделать ауру сильнее?

— Стать злодейкой, — просто ответила Марго. — Или хотя бы притворяться, что ты злодейка. Аура любит уверенность.

Я вздохнула. Одевшись в ту же одежду, в которой вчера провалилась сквозь портал (джинсы, футболка и лёгкая вет-

ровка, которые теперь выглядели совсем не в тему), я последовала за Марго в административный корпус.

По пути она показывала мне главные места:

— Это столовая. Еда здесь сносная, но не бери суп по четвергам. Его готовит шеф-повар-некромант, и иногда ингредиенты пытаются сбежать.

— Это библиотека. Там есть всё, что нужно для учёбы, и половина того, что не нужно. Запретная секция открывается только по пропускам. У меня есть, но я тебе не дам.

— А это — главная площадь. Здесь проводят казни.

— Казни?!

— Учебные, — успокоила меня Марго. — Никто не умирает. Почти никто.

Я уже поняла, что фраза «почти никто» в этой академии заменяет обычное «всё будет хорошо».

В административном корпусе мне выдали форму: чёрная мантия с серебряной окантовкой, значок с черепом (как у Морганы, но без рубинов — простой, деревянный) и расписание.

Я развернула свиток и прочитала:

Расписание занятий (группа З-11):

9:00 — Основы коварства (лекция)

11:00 — Практическая интрига (семинар)

13:00 — Обед (перерыв)

14:00 — Введение в тёмную магию (практика)

16:00 — Этика злодея (факультатив)

— Этика злодея? — переспросила я. — У злодеев есть этика?

— Конечно, — Марго пожала плечами. — Нельзя же просто так взять и захватить мир. Нужно соблюдать правила. Не убивать детей, не трогать мирных жителей без причины, не использовать запрещённые заклинания. Всё как у людей, только мрачнее.

— А что насчёт... — я хотела спросить про куратора, но в этот момент дверь административного корпуса открылась, и внутрь вошёл высокий парень.

У него были чёрные волосы, падающие на лицо, и глаза такого тёмного серого цвета, что они казались грозowymi тучами. На нём была такая же чёрная форма, как у всех, но на значке горели не рубины, а сапфиры. От него исходила магия — плотная, тяжёлая, как свинцовое одеяло. Я физически ощутила её давление, хотя раньше никогда не чувствовала магию.

Он смотрел прямо на меня.

— Лена? — спросил он. Голос был низким, хрипловатым.

— Д-да, — ответила я.

— Я Дариан. Твой куратор.

Он протянул руку.

Я посмотрела на его ладонь, потом на его лицо, потом снова на ладонь.

— Тот самый Дариан? — уточнила я. — С репутацией хуже, чем у Морганы?

Он усмехнулся. Усмешка была такой, что у меня внутри всё перевернулось.

— Это комплимент, — сказал он. — Добро пожаловать в академию, философ. Надеюсь, ты готова к хаосу.

Я взяла его руку. Ладонь была холодной, но крепкой. И в момент прикосновения я почувствовала странный импульс — словно что-то внутри меня откликнулось на его магию. Тёмную, древнюю, очень опасную.

«Ну, Лена, — подумала я. — Выбор сделан. Обратной дороги нет».

И, кажется, это было только начало.

Глава 3

Мы вышли из кабинета ректора, и я всё ещё чувствовала на руке холод его ладони. Дариан шёл рядом, не глядя на меня, и казалось, что он уже оценивает мои шансы на выживание.

— Руку можешь отпустить, — сказал он. — А то студенты начнут сплетничать, что у куратора роман с первокурсницей. А это, знаешь ли, вредно для репутации. Моей, разумеется.

Я отдернула руку, чувствуя, как щёки заливаются краской.

— Я и не держала. То есть... я просто...

— Забудь, — он усмехнулся. — Идём. У нас мало времени.

— Куда?

— На распределение.

Я хотела спросить, что это такое, но Дариан уже шагал вперёд, и мне ничего не оставалось, как последовать за ним. По пути я заметила Марго — она стояла у выхода из административного корпуса, прислонившись к колонне с видом человека, который ждёт интересного представления.

— Удачи, философ, — сказала она, подмигнув. — Она тебе понадобится. Особенно когда камень покажет, что ты не такая, как все.

— Ты не идёшь? — спросила я.

— Я своё уже отстояла в прошлом году, — Марго усмехнулась, и её клыки блеснули. — Второй раз на это смотреть — удовольствие сомнительное. Но я подожду тебя здесь. Расскажешь потом, как всё прошло.

Дариан бросил на неё короткий взгляд.

— Она права, — сказал он, когда мы отошли. — Репутация у меня действительно не сахарная.

— За что?

— За многое. — Он не смотрел на меня, шагая вперёд так уверенно, будто знал каждый камень на этой мостовой. — Но тебе об этом лучше не знать. По крайней мере, пока.

— Потому что испугаюсь?

— Потому что ты и так выглядишь так, будто готова бежать обратно в портал, — он бросил на меня быстрый взгляд, и в уголках его губ мелькнуло что-то, отдалённо напоминающее улыбку.

— Я не испугана, — соврала я. — Я... в состоянии адаптации.

— Философы всегда так красиво называют свои страхи, — заметил он. — Ладно, идём. Расскажу по дороге, что тебя ждёт.

Распределение, как объяснил Дариан, было главным событием для всех первокурсников (и попаданцев заодно). Именно здесь определялось, в каком направлении студент будет учиться: боевая магия, некромантия, интриги, дипло-

матия, алхимия или что-то более узкое.

Магия в этом мире, как я успела понять, делилась на несколько школ. Боевая магия отвечала за прямое применение силы — огненные шары, молнии, силовые поля. Некромантия работала с энергией смерти и позволяла управлять нежитью. Интриги и дипломатия были основаны на ментальной магии — воздействии на разум, создании иллюзий, чтении мыслей. Алхимия занималась превращением веществ и созданием артефактов.

— Есть ещё специальные факультеты, — говорил Дариан, пока мы шли через внутренний двор, где уже собирались студенты, — но туда попадают только после второго курса. Или если у студента обнаруживаются... необычные способности.

— Какие, например?

— Например, умение управлять снами. Или говорить с мёртвыми. Или — как один мой знакомый — вызывать дождь из лягушек. Правда, его потом отчислили. Лягушки заполонили всю академию, ректор был в ярости.

— А куда я могу попасть?

Дариан остановился и посмотрел на меня так, будто оценивал товар на рынке.

— Судя по твоему магическому фону — почти никуда, — сказал он честно. — Ты человек, и у тебя нет врождённого дара. Но в этой академии есть несколько направлений, где магия не главное. Например, дипломатия. Или теория зла.

Или история тёмных властелинов.

— История тёмных властелинов?

— Ну да. Кто, когда и какой замок захватил. Очень полезный предмет, если хочешь не повторять чужих ошибок.

— А ты на каком факультете? — спросила я, надеясь, что вопрос не прозвучит слишком лично.

Дариан усмехнулся. На этот раз усмешка была горькой.

— Я на факультете боевой магии. Но это потому, что у меня нет выбора. — Он отвернулся и продолжил путь. — Идём, а то опоздаем.

Зал распределения оказался огромным. Сводчатый потолок терялся где-то в темноте, стены были украшены портретами бывших ректоров, которые двигались и переглядывались. Правда, выглядели они очень мрачно: кто-то зловеще ухмылялся, кто-то грозил пальцем, а один, кажется, спал, и из его носа вылетали маленькие чёрные бабочки — магические проекции, которые материализовывались из холста и кружили по залу.

В центре зала стоял камень.

Огромный, чёрный, с пульсирующими алыми прожилками, он напоминал сердце какого-то древнего чудовища. Магия, исходящая от него, была древней и плотной — я чувствовала её кожей, как лёгкое покалывание. Вокруг камня собралась толпа студентов — человек пятьдесят, не меньше. Все в чёрных мантиях, с разными значками на груди.

— Что это? — спросила я, показывая на камень.

— Камень судьбы, — ответил Дариан. — Определяет твою предрасположенность к тому или иному виду тёмной деятельности. Кладёшь руку — и он показывает, куда тебе идти.

— А если не понравится результат?

— Тогда можно попробовать ещё раз. Но камень обычно не ошибается. И если ты будешь спорить с ним, он может... обидеться.

— Обидеться?

— В прошлом году один студент заявил, что камень врёт, и тот наслал на него проклятие вечной икоты. Парень икал три месяца. Преподаватели сбивались со счёта, когда он отвечал на экзаменах.

Я решила, что с камнем спорить не буду.

В очереди я заметила знакомые лица. Моргана стояла в первом ряду, скрестив руки на груди, и смотрела на происходящее с видом королевы, которая явилась посмотреть на забавы простолюдинов.

А ещё я заметила, что на меня смотрят. Много кто. С любопытством, с насмешкой, с откровенным недоброжелательством.

— Попаданка, — прошептал кто-то сзади. — Говорят, философ.

— Философ в академии злодеев? — хмыкнул другой голос. — Долго не протянет.

— А куратор у неё Дариан. Тот самый. Интересно, как он её будет... опекать.

Смешки. Я почувствовала, как к щекам приливает кровь.

— Не обращай внимания, — тихо сказал Дариан, стоявший рядом. — Они просто боятся.

— Чего?

— Что ты окажешься сильнее, чем они думают.

Я хотела спросить, как философ без магии может оказаться сильнее, но в этот момент голос из магических рупоров объявил:

— Следующий!

К камню подходили по одному. В основном это были первокурсники — взволнованные, бледные, с зажатыми в кулаках руками. Каждый касался камня, и тот вспыхивал определённым цветом: красный — боевая магия, зелёный — некромантия, синий — интриги, фиолетовый — дипломатия, жёлтый — алхимия. Иногда вспыхивали сразу два цвета — это означало, что студент одарён в нескольких направлениях.

Моргана, стоявшая в первом ряду, вдруг вышла вперёд — из вредности, чтобы показать первокурсникам, как это делается. Она коснулась камня с таким видом, будто делает одолжение. Тот вспыхнул ярко-синим — цвет интриг, который у неё был и в прошлом году. Она усмехнулась, отошла и бросила на меня взгляд, который ясно говорил: «Я на своём месте. А ты?»

Наконец подошла моя очередь.

Я сделала шаг вперёд и почувствовала, как все взгляды устремились на меня. Даже портреты на стенах замерли, перестав шевелиться.

Камень пульсировал алым, как будто ждал.

— Клади руку, — сказал распорядитель — пожилой маг с длинной седой бородой и глазами, которые, казалось, видели тебя насквозь.

Я глубоко вздохнула.

«Ну, Лена, — подумала я. — Выбор сделан. Теперь — судьба».

Я положила ладонь на камень.

Он был холодным. Таким холодным, что я чуть не отдернула руку. Но в следующую секунду холод сменился теплом, а потом — жаром. Камень запульсировал быстрее, и его прожилки засветились ярче.

А потом... ничего не произошло.

Тишина.

Камень не вспыхнул ни красным, ни синим, ни зелёным. Он просто светился алым, как и раньше.

— Странно, — сказал распорядитель, нахмурившись. — Попробуй ещё раз.

Я попробовала. С тем же результатом.

— Может, она бездарь? — крикнул кто-то из толпы. — Ни к чему не способна?

— Философ, что с неё взять! — подхватил другой.

Я почувствовала, как внутри закипает злость. Несправед-

ливая, глупая злость. Я не просила попадать сюда. Я не просила становиться злодейкой. Но слышать, как надо мной смеются, было обидно.

— Подождите, — распорядитель подошёл ближе и всмотрелся в камень. — Кажется, я понимаю.

Он что-то прошептал — древнее заклинание на языке, которого я не знала, но которое отозвалось в моём сознании смутными образами, — и камень изменил цвет. Алый превратился в бледно-розовый, потом в золотой, потом в...

— Белый, — выдохнул распорядитель. — Камень показал белый.

В зале воцарилась тишина. Абсолютная. Даже портреты перестали дышать.

— Что значит белый? — спросила я, не понимая.

Распорядитель смотрел на камень так, будто тот заговорил на неизвестном языке. Потом перевёл взгляд на меня, и в его глазах промелькнуло что-то, чего я не ожидала — не презрение, не страх, а... благоговение?

— Белый, — повторил он, и голос его прозвучал глухо, словно он сам не верил в то, что говорит. — Это не просто отсутствие предрасположенности к тёмной магии. И это не свет. Это... Пустота.

— Пустота? — переспросила я, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Антимagia, — пояснил он. — Очень редкий дар. Ты не создаёшь заклинания и не отражаешь их. Ты... возвраща-

ешь магию в исходное состояние. Нейтрализуешь. Гасишь. Камень не может определить твой путь, потому что твой путь — быть вне системы. Вне тьмы и света.

В зале раздался гул.

— Пустота в академии злодеев? — закричал кто-то. —

Это позор!

— Как она вообще сюда попала?

— Отчислить!

— На перевоспитание!

Я стояла у камня, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Пустота. Я — пустота. В мире, где магия определяет всё, я оказалась... никем. Я обвела взглядом толпу. Даже те, кто не кричал, отводили глаза — будто я стала заразной. Будто от одного взгляда на меня можно было лишиться собственной магии.

— Тишина! — голос Дариана прозвучал как раскат грома.

Все замолчали.

Дариан вышел вперёд и встал рядом со мной. Его лицо было спокойным, но глаза горели таким холодным огнём, что даже распорядитель сделал шаг назад.

— Камень мог ошибиться, — сказал Дариан. — Это бывает.

Я поняла: он врёт. Не потому, что не знает правды, а потому, что хочет меня защитить.

— Камень не ошибается, — возразил распорядитель.

— Тогда, — Дариан повернулся к нему, — пусть покажет

ещё раз.

Распорядитель посмотрел на него, потом на меня, потом на камень.

— Хорошо, — кивнул он. — Пусть будет ещё раз.

Я снова положила руку на камень.

И снова он вспыхнул белым.

Тишина стала звенящей.

— Я же говорил, — прошептал кто-то.

— Пустота, — повторил другой. — В нашей академии.

Я ощутила, как внутри всё рушится. Испытательный срок, перевоспитание, позор... Всё это промелькнуло перед глазами. Но в тот момент, когда я уже готова была опустить руки, я вспомнила слова профессора Верещагина: «Выбор определяет жизнь». Я сделала свой выбор, когда подписала договор. И теперь отступить было поздно.

— Это ничего не меняет, — неожиданно громко сказала я.

Все уставились на меня.

— Что? — переспросил распорядитель.

— Я сказала, это ничего не меняет, — повторила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я подписала договор. Я студентка этой академии. И то, что камень показал белый цвет, не значит, что я не могу быть злодейкой. Злодейство — это выбор. Так меня учили на экзамене по философии.

В зале снова воцарилась тишина.

А потом кто-то засмеялся.

Я повернулась и увидела Моргану. Она стояла, скрестив руки, и улыбалась. Не насмешливо, а одобрительно.

— Неплохо, философ, — сказала она. — Неплохо.

Дариан посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло что-то, чего я не смогла прочесть.

— Решение за ректором, — сказал распорядитель, когда шум немного утих. — Но раз договор подписан...

— Договор подписан, — подтвердил чей-то голос от двери.

Все обернулись.

В дверях стоял ректор Малахар Грозный. Всё в том же халате и тапочках с драконами. Он выглядел так, будто только что проснулся, но его глаза смотрели внимательно и остро.

— Я слышал, что здесь произошло, — сказал он, входя в зал. — Белый цвет. Пустота. Впервые за последние... — он задумался, — лет триста, кажется.

— Что с ней будет? — спросил распорядитель.

Ректор подошёл к камню и посмотрел на меня. В его взгляде не было насмешки, только любопытство.

— Лена, — сказал он. — Ты хочешь остаться?

Я посмотрела на Дариана. Он стоял рядом, и его лицо ничего не выражало. Потом посмотрела на Моргану — та кивнула.

Внутри меня боролись страх и упрямство. Я вспомнила, как легко было сдать экзамене, как хотелось просто сесть и ничего не говорить. Но я не сдалась тогда. Не сдамся

и сейчас.

— Да, — сказала я. — Хочу.

— Даже если ты никогда не станешь злодейкой?

— Я стану, — сказала я, не зная, откуда берётся эта уверенность. — Я стану злодейкой. Но по-своему.

Ректор усмехнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда ты остаёшься. Но учиться ты будешь не на боевом факультете и не на некротомантии.

— На каком же?

— На дипломатии, — ректор кивнул, словно принял окончательное решение. — Ты философ. Дипломатия — это искусство убеждения. А убеждение — это та же философия, только с последствиями.

— Но дипломатия — фиолетовый цвет, — возразил распорядитель. — А она...

— Я вижу цвет, — спокойно ответил ректор. — Но у меня есть чутьё, которое не обманывало меня последние триста лет. Она будет учиться на дипломатии.

А «Основы коварства» и другие базовые предметы, — добавил он, бросив взгляд на притихших студентов, — обязательны для всех факультетов. Даже дипломатам нужно знать, как их будут обманывать. И курировать её будет... — он посмотрел на Дариана, — продолжать Дариан.

Дариан кивнул, не выказывая никаких эмоций.

— Вопросы есть? — спросил ректор.

Вопросов не было.

Или они были, но никто не решился их задать.

Когда мы вышли из зала, я чувствовала себя так, будто пробежала марафон. Ноги дрожали, в голове шумело, а перед глазами всё ещё стоял тот белый свет.

У выхода меня ждала Марго. Она сидела на каменной скамье и листала какую-то книгу, но, увидев меня, тут же захлопнула её и вскочила.

— Ну что? — спросила она, взглядываясь в моё лицо. — Какой цвет?

— Белый, — ответила я.

Марго присвистнула.

— Пустота, значит. Редкий дар. Очень редкий.

— Ты знала, что так бывает?

— Слышала, — она пожала плечами. — Но никогда не видела. Говорят, последний раз такое было лет триста назад. И закончилось... ну, не очень.

— Чем закончилось?

— Не помню точно, — Марго отвела взгляд, и я поняла, что она врёт. — Но ты не переживай. Пустота — это не приговор. Это просто... другая магия.

— Ты молодец, — сказал Дариан, когда мы отошли от зала. — Не каждый смог бы так ответить.

— Я испугалась, — честно призналась я. — Очень.

— Это нормально. — Он посмотрел на меня, и в его глазах

промелькнуло что-то, что я приняла за уважение. — Но ты не сдалась. Это важно.

— А что будет теперь? Дипломатия — это...

— Это искусство договариваться, — перебил он. — Убеждать, манипулировать, находить общий язык с теми, кто тебя ненавидит. В общем, то, что ты делала на экзамене, только в более агрессивной форме.

— И ты будешь меня этому учить?

— Я буду тебя защищать, — поправил Дариан. — Учить будут другие. Моя задача — чтобы ты дожила до этих уроков.

— Это так опасно?

— В академии злодеев всё опасно, — он усмехнулся. — Но ты справишься. У тебя есть то, чего нет у других.

— Что?

— Упрямство, — сказал Дариан. — И философское отношение к жизни. Это иногда важнее магии.

Он развернулся и пошёл прочь, оставив меня стоять на месте.

Я смотрела ему вслед и думала о том, что мир, в который я попала, оказался сложнее, чем я думала. Здесь нет чёткого разделения на добро и зло. Здесь есть только выбор. И последствия.

«Как на экзамене по философии», — подумала я и невольно улыбнулась.

Может быть, профессор Верещагин всё-таки чему-то ме-

ня научил.

Вечером я сидела на подоконнике в своей комнате и смотрела на две луны. Марго ушла на какое-то вампирское собрание, и я осталась одна.

В голове крутились события дня. Белый свет камня. Слово «Пустота». Шёпот толпы. Взгляд Дариана. И странное чувство, которое не покидало меня с тех пор, как я коснулась камня во второй раз.

Я подняла руку и посмотрела на ладонь. В свете лун мне показалось, что от пальцев исходит едва заметное свечение — серебристое, холодное. Я потёрла ладонь о мантию, но свечение не исчезло.

«Что это?» — подумала я.

Ответа не было.

Я легла спать, но долго не могла уснуть. Слышала, как за стеной кто-то шепчет заклинания, как на крыше воют студенты-некроманты, как где-то далеко кричит грифон. А в промежутках между этими звуками я слышала тишину — такую же глубокую, как та, что была в портале.

«Я справлюсь, — сказала я себе. — Должна справиться».

И закрыла глаза.

Глава 4

После распределения, где я едва не стала изгоем, а потом неожиданно получила поддержку, мне казалось, что хуже уже быть не может. Но, как выяснилось, я слишком оптимистично смотрела на вещи.

Утро выдалось... шумным.

Я проснулась от того, что кто-то настойчиво стучал по крышке гроба Марго. Не по моей кровати, заметьте, а именно по гробу. Будто хотел убедиться, что обитательница внутри жива. Или неживая. В общем, на месте.

— Марго! — голос Морганы был таким резким, что даже я подскочила. — Твоя соседка должна быть на первом уроке через двадцать минут. Если она опоздает из-за того, что ты проспала, я лично запишу тебя в группу утренней некромантии.

Крышка гроба приподнялась, и оттуда показалось заспанное лицо Марго с идеально накрашенными губами. Как у вампиров это получалось — загадка. Возможно, магия крови позволяла им поддерживать внешность даже во сне.

— Моргана, если ты не перестанешь стучать, я перейду на натуральную кровь. И начну с тебя, — прохрипела она.

— У тебя завтрак наступает, когда я скажу, — отрезала Моргана, ничуть не испугавшись. — Лена, вставай. Твой первый урок — «Основы коварства». Преподаватель — лорд

Вортекс. Он не любит, когда опаздывают. Особенно попаданцы.

— А что он делает с опоздавшими? — спросила я, уже выбираясь из кровати.

— В прошлый раз он превратил опоздавшего студента в стул, — спокойно ответила Моргана. — Стул простоял три дня, пока кто-то не догадался его расколдовать. Студент потом полгода не мог сидеть. Боялся, что его снова превратят.

Я оделась рекордно быстро. Чёрная мантия, которую мне выдали в администрации, оказалась на удивление удобной — она сама подстроилась под мою фигуру, словно была сшита специально для меня. Магия, вшитая в ткань, создавала лёгкое ощущение тепла, защищая от сквозняков.

Марго, наконец, вылезла из гроба и смотрела на мои сборки с философским спокойствием.

— Не волнуйся, — сказала она, потягиваясь. — Вортекс — старый пердун, но справедливый. Если будешь внимательно слушать и не перебивать, он не превратит тебя в мебель.

— А во что может превратить?

— Всё что угодно, — Марго зевнула, обнажив внушительные клыки. — В прошлом семестре он превратил одного нахала в настольную лампу. Студент простоял на кафедре две недели, пока Вортекс не решил, что урок усвоен. Говорят, лампу даже включали пару раз, чтобы проверить, работает ли.

— И работает?

— Ага, — Марго хихикнула. — Светился, как новогодняя ёлка. Студент потом утверждал, что это был ценный опыт. Особенно та часть, где он наблюдал за экзаменом с высоты кафедры.

Я решила, что на уроке буду паинькой.

Аудитория, где проходили «Основы коварства», находилась в подвале главного корпуса. Мы спустились по винтовой лестнице, которая, казалось, уходила в самое сердце земли, и оказались в длинном коридоре с низким сводчатым потолком. Факелы горели зелёным огнём — магическим, не требующим дров, — и в воздухе пахло сыростью и чем-то... серным.

— Почему занятия по коварству проводятся в подвале?
— спросила я у Марго, которая вызвалась проводить меня.

— Атмосфера, — пояснила вампирша. — Коварство любит тень. И сырость. И лягушек.

— Лягушек?

— Ну да. Их используют для практических занятий. Вортекс считает, что лягушки — идеальные объекты для козней. Они не жалуются, не убегают и не требуют гуманного обращения.

Мы вошли в аудиторию.

Это было просторное помещение с высокими потолками, которые, впрочем, терялись в темноте. Вдоль стен стоя-

ли парты, расположенные амфитеатром, чтобы каждому студенту было видно, что происходит в центре. А в центре находился... стол. Обычный деревянный стол. На котором стояла клетка с лягушками.

Лягушки были зелёными, с красными глазами, и смотрели на входящих студентов с таким видом, будто сами могли преподавать пару уроков коварства.

— Садитесь, — раздался голос откуда-то сверху.

Я подняла голову и увидела преподавателя.

Лорд Вортекс сидел на балконе, который нависал над аудиторией, и смотрел вниз с высоты птичьего полёта. Он был старым — очень старым, с длинной седой бородой, которая, казалось, жила своей собственной жизнью, и глазами такого бледно-голубого цвета, что они напоминали лёд.

На нём была мантия, расшитая серебряными рунами, и на шее висела цепь с кулоном в виде... лягушки.

— Сегодня у нас новенькая, — сказал Вортекс, и его взгляд упал на меня. — Попаданка. Философ. И, по слухам, белый цвет на камне судьбы.

Я почувствовала, как все взгляды устремились на меня. В аудитории было около двадцати студентов, и каждый смотрел с разной степенью интереса: кто-то с любопытством, кто-то с насмешкой, кто-то с откровенной неприязнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.